

УДК 728.83(476.5):75.03(470)

«Все вытекло из удобств и необходимости...» (Главный дом усадьбы И. Е. Репина «Здравнёво»)

Шишанов В. А.

Учреждение культуры «Витебский областной краеведческий музей»

Для И. Е. Репина 1890-е годы стали периодом мучительного поиска нового живописного языка, тягой к экспериментаторству в области композиции, колорита, техники мазка. Приобретение в 1892 г. усадьбы Здравнёво под Витебском позволило художнику попробовать свои силы в области архитектуры.

Об облике главного дома усадьбы И. Е. Репина «Здравнёво» сохранилось не так много сведений. Опубликованная часть эпистолярного наследия художника и его близких, воспоминания современников скупы на какие-либо описания внешнего облика и интерьеров постройки. Незначительно и количество изобразительных и фотографических материалов.

В статье на основе известных и выявленных в процессе исследования фотографий, рисунков, писем, воспоминаний делается попытка воссоздать облик здравнёвского дома и выявить истоки замысла навсегда утраченного архитектурного произведения великого художника.

Ключевые слова: И. Е. Репин, Здравнёво, русская живопись, русская усадьба, архитектура.

(Искусство и культура. — 2013. — № 4(12). — С. 95-100)

«Everything resulted from comfort and necessity...» (Main House of I. Ye. Repin's Estate «Zdravnevo»)

Shishanov V. A.

Vitebsk Regional Museum of Land Studies

For I. Ye. Repin the 1890-ies became the period of hard search for new language of painting, strive for experimenting in the field of composition, color, stroke technique. Purchase in 1892 of the estate of Zdravnevo on the outskirts of Vitebsk made it possible for the artist to make attempts in the field of architecture.

Not much information has survived about the look of the main house of the estate. «Zdravnevo» the published part of the artist's and his family's letters, reminiscences of his contemporaries have very few descriptions of the outer look and interiors of the building. Scarce is the number of painted and photographic materials.

In the article, on the basis of known and newly found in the course of the research photographs, letters, drawings, reminiscences, attempt is made to recreate the look of Zdravnevo house and find out sources of the original idea of the lost architectural piece of the great artist.

Key words: I. Ye. Repin, Zdravnevo, Russian painting, Russian estate, architecture.

(Art and Culture. — 2013. — № 4(12). — P. 95-100)

Дом творческого человека – не просто жилище. Это особый мир, познание которого раскрывает самые сокровенные, неизвестные грани его таланта, позволяет лучше понять плоды его трудов. Об облике главного дома усадьбы И. Е. Репина «Здрав-

нёво» сохранилось не так много сведений. Опубликованная часть эпистолярного наследия художника и его близких, воспоминания современников скупы на какие-либо описания внешнего облика и интерьеров постройки. Незначительно и количество

изобразительных и фотографических материалов.

Цель статьи: воссоздание облика здравнёвского дома и попытка выявления истоков замысла навсегда утраченного архитектурного произведения великого художника на основе известных и выявленных в процессе исследования фотографий, рисунков, писем, воспоминаний.

Усадьба «Здравнёво» в жизни и творчестве И. Е. Репина. Усадьба «Здравнёво» (другие названия – Дровнево, Малое Койтово, Софиевка) расположена в 16 км к северу от Витебска, на правом берегу Западной Двины. Происхождение топонима «Здравнёво» объясняется слиянием приставки «з» с названием деревни «Дровнево», наиболее раннее упоминание о которой как о владении титулярного советника Тадеуша Анацкевича относится к 1785 г. [1, л. 1]. Впоследствии имение сменило несколько владельцев, но известность приобрело после того, как в мае 1892 г. стало собственностью Ильи Ефимовича Репина (1844–1930). В Здравнёве на протяжении 1892–1902 гг. художник создал большое количество картин и рисунков: «Осенний букет», «Белорус», «Дуэль», «Охотник», «Лунная ночь», «На Западной Двине. Восход Солнца», «На солнце», «Двина. Портрет сына Юрия», «Барышни на прогулке среди стада коров», два рисунка на тему «Проповедь Иосафата Кунцевича» и др. Усадьбу посещали члены семьи художника, родственники, знакомые – военный юрист, литератор А. В. Жиркевич, гравёр В. В. Матэ; ученики – А. Г. Явленский, К. А. Вещилов, И. М. Тряпичников, Н. Я. Борисов; витебская интеллигенция – адвокат, краевед В. К. Стукалич, фотограф С. А. Юрковский. Сын художника Юрий написал в Здравневе картины: «Цыгане в деревне», «Автопортрет», «Портрет Нади Репиной» и др. Неподалеку от Здравнёва, в п. Верховье (ранее – с. Слобода) похоронен отец художника Ефим Васильевич Репин.

Перестройка здравнёвского дома и его архитектурные особенности. Из каких источников Репин узнал о существовании Здравнёва и почему выбрал имение под Витебском – неизвестно. Но, безусловно, художника прельстили «ласкающие, красивые, разнообразные» виды окрестностей. Очарованный местом, художник не мог похвастаться благоустроенностью усадьбы. Име-

ние, занимавшее 108 дес. земли, на момент покупки находилось в очень запущенном состоянии, как сообщал Репин в мае–июне 1892 г. в письмах к Татьяне Львовне Толстой (дочери писателя): «Лес страшно запущен, завален хламом и разворован; шальная Двина с остервенением обрывала ее прекрасные черноземные берега; фруктовый сад пуст; крыши дома сгнили»; «Домик хоть и поместительный, но почти без мебели, без затворов и т. д.»; «Дом там есть, поместительный, но невзрачный. Сначала я думал сейчас же перестраивать, приспособлять и т. д.; но теперь благоразумно рассудил; первое лето прожить так, без всякой переделки... Комнаты в доме просторные, потолки высокие – работать можно»; «Заплачено 12 тысяч рублей – стоит. Хотя дом и строения имеют вид простых хуторов, ничего особенного» [2, с. 57, 58–59, 60].

Приведенные выше цитаты, пожалуй, все, что могут сообщить известные источники об облике здравневе-ского дома до перестройки, добавим, что его постройка относится к 80-м гг. XIX в. [3, л. 6], когда владелицей имения являлась Софья Авксентьевна Яцкевич [4], у которой художник и приобрел усадьбу.

Безусловно, И. Е. Репин со всем своим многочисленным семейством нуждался в более просторном и приспособленном для летнего отдыха и творчества жилище. Поэтому с первых дней мая 1893 г. художник приступает к строительству: «У меня теперь другая затея – надстройка над домом мезонина в виде башни. Сейчас только купил лесу на 371 рубль: теперь дело за плотниками», – сообщает художник в письме А. В. Жиркевичу от 16 мая 1893 г. [5, с. 104]. Сколь мучителен был процесс созидания, выбора мастеров свидетельствуют быстрые, молниеносно-небрежные наброски, сохранившиеся в семье потомков художника и отразившие эволюцию архитектурных фантазий Репина, а также письма: «Я бы разбогател, пожалуй, если бы не затеял постройки башни над домом (a la Сольнес Ибсена)...

Едучи сюда из Питера, я все думал: как-то я слажу с этим предприятием. Где купить лесу, где искать архитектора, плотников? Ехать в царство жидов, в Витебск?.. Да ведь это просто **страшно!** Стоит взглянуть на эти черные рожи курдов, на эти висящие лохмо-

тя черных лапсердаков, <пестрящих – ?> по линиям засаленным остаткам корпуса, дырами светлой подкладки!.. А вонь...

И можете себе представить – теперь я настолько привык к ним, что у меня их целый двор и я, даже с удовольствием смотрю как они скромно и длительно копошатся в <1 нрзб.> бревнах, которыми теперь завален весь наш зеленый двор.

На берегу у меня стоит, на канате, целый плот (гонók) елового лесу. Из дому мы перебрались в небольшой флигелек на дворе и поместились в двух комнатах, перегородив одну шкапами на две части. И все это сделали жиды. Как из-под земли, они вырастали передо мной; докладывали о моем желании строиться и предлагали услуги. Сначала я гнал их, но кончил тем, что разрешил работать, и дело закипело: крыша дома пополам распиlena, на дворе тешут бревна, пилят, таскают их и поднимают на козлы, с разными хитрыми приспособлениями. И страшный вид курдов смягчился: главный мастер, мне кажется, теперь похож на Микель-Анджело и кажется мне очень резонным человеком, внушающим доверие. Посмотрим» [6, л. 51 – 52 об.].

В письме к В. В. Веревкиной Репин более подробно останавливается на задуманном переустройстве дома: «Я из скучного, неустроенного, прозаичного дома здесь затеял устроить удобное жилье, простое, но симпатичное, приспособленное к обстоятельствам и местности. Расширить мастерскую, осветить все светом сверху, поставить большой романский камин и лестницу кверху. Посреди дома возводится башня, настоящая башня, с зубцами, балконами, террасами и комнатками для жилья и гостей и лестницами для входов. Вот уж два почти месяца, как у меня на дворе кипит созидательная работа. Мастера большей частью евреи, и между ними – особенно главный строитель – есть люди сметливые, ловкие и способные понять и сделать по моему вкусу» [7, с. 201].

Еврейские мастера оставили след и в декоративном убранстве дома – под фронтоном мезонина в рисунке решетчатого ограждения угадывается «звезда Давида» с усеченным верхним углом. Балкон с другой стороны имеет уже другое переплетение.

Особый интерес представляют письма Репина, в которых содержатся зарисовки дома, приобретающего уже законченные черты: «Вот в каком роде выходит теперь

наш дом. Вид с флигеля на двор. Крашен под цвет светлого и темного дерева, крыша цвета цинка. Старый дом обшивается заново досками» [5, с. 105. Письмо И. Е. Репина А. В. Жиркевичу от 29 июля 1893 г.]; «Вот какой дом тут у меня строится все лето. Пожалуйста, не рассказывайте Владимиру Васильевичу, он будет хохотать над этой архитектурой. Но ведь все случайно и все вытекло из удобств и необходимости. Тянется и то эта постройка; и все нехватки, то людей, то времени» [8, с. 191. Письмо И. Е. Репина Н. В. Стасовой от 24 июля 1893 г.].

С той же долей стеснения, неуверенности, какая чувствуется в письме к жене В. В. Стасова, художник отказывается выполнить зарисовку дома в послании к маститому критику: «Хотел было нарисовать Вам наш бельведер, но нет охоты; да и не стоит» [8, с. 191]. Лишь десятилетие спустя, в письме к Н. Б. Нордман, В. В. Стасову довелось высказать свой восторг «маленькими образчиками архитектуры Репина», но это уже относилось к декору усадьбы «Пенаты» [9 с. 81. Письмо В. В. Стасова Н. Б. Нордман 21 января 1905 г.].

Летом 1894 г. семья Репина перебралась в «большой дом», но отделочные работы продолжались весь дачный сезон и только на следующий год были завершены.

Восстановить облик здравнёвского дома после перестройки позволяют две акварели тестя И. Е. Репина, академика архитектуры А. И. Шевцова и фотографии конца XIX – начала XX в. Как позволяют судить имеющиеся изображения, это по-прежнему одноэтажная, постройка на фундаменте из бутового камня. Со стороны хозяйственного двора к дому примыкают справа от входа – необшитая досками кухня, слева – вертикально обшитая двухэтажная пристройка, на первом этаже которой размещалась «столовенька». Четырехскатную, крытую оцинкованной жстью, крышу, в скатах которой были устроены четыре слуховых окна, крестообразно пересекает мезонин с далеко выступающими балконами и оборудованными под ним террасами с выходом на хозяйственный двор и с противоположной стороны сад. Над мезонином возвышается двухуровневая башня – квадратная в нижней части и восьмигранная в верхней. Верхний уровень огибает квадратная в плане смотровая площадка с ограждением. Башня увенчана зуб-

чатой коронкой и конической крышей с маленькой главкой, размеры сложного в плане здания составили 18 x 9,7 м (с пристройками и террасами – 18 x 18,3 м), высота от земли – 17,20 м.

Анализируя архитектурные особенности дома И. Е. Репина в Здравнёве следует отметить то, что художник принадлежал к тому кругу деятелей культуры России, которые составляли знаменитый Абрамцевский кружок и в атмосфере которого уже в начале 1880-х гг., вызревали тенденции протомодерна и протосимволизма.

Архитектурные искания абрамцевских художников вылились в создание по проектам В. Д. Поленова и В. М. Васнецова церкви в Абрамцево (1882 г.).

В 1890-х гг. почти одновременно с домом Репина в Здравнёве, строится дом В. Д. Поленова в усадьбе «Борок» под Тарусой (1892 г.), дом В. М. Васнецова в Москве (1894 г.). В этих постройках проявилось новое понимание архитектурной формы, выразившееся в отказе от декоративности и орнаментальной лепки эклектизма и в создании новых объемно-пространственных композиций, что ознаменовало начало периода модерна в русском зодчестве.

Илья Репин не стоял в стороне от романтических устремлений эпохи, и это нашло отражение в произведениях художника, которые лишь сейчас открывают для нас сложный путь исканий нового живописного языка («Птица Сирин» (1892 г.), «Искушение Христа» (1895 г.), «Встреча Данте и Беатриче» (1896 г.) и др.).

В отличие от В. М. Васнецова и последующих стилизаций Ф. О. Шехтеля, С. В. Малютина, Репин достаточно далек от национального направления неоромантизма. В письмах художника повествование о строительстве дома сменяется картинками совсем из «другой оперы»: «Из этой тесноты, сутолоки и прозы жизни меня потянуло в мир Данта. Мне представилось, как этот преследуемый злой судьбой гений Италии, после долгих мытарств по бесконечным безднам Ада, удручаемый невыразимым воплем страдания грешивших душ, попадает наконец в Чистилище...» [7 с. 201. Письмо И. Е. Репина В. В. Веревкиной от 4 июня 1893].

Обращением Репина к образам европейского Средневековья можно объяснить

присущую готике устремленность в высь первоначальных набросков художника, однако завершённая постройка вызывает более сложные стилистические ассоциации. Истоки которых, вероятно, следует искать в восторженных отзывах художника об искусстве «счастливой эпохи Возрождения» в его знаменитых «Письмах об искусстве», написание которых относится ко времени путешествия Репина по Европе, длившегося с октября 1893 по май 1894 г.: «В архитектуре я не могу себе представить ничего лучше византийско-романского стиля Италии средних веков. XI, XII, XIII и XIV века оставили самые лучшие образцы зодчества.

Его размеры грандиозны не до колоссальности, пропорции частей угаданы с божественной простотой и изяществом: украшения полны смысла, полны жизни и с большим тактом и кстати расположены. Сколько в них молодости, наивности и энергии! В общем здание дышит единством общей идеи – веры и восторга» [10, с. 415]. Раскрыв тайну архитектурных пристрастий Репина не трудно обнаружить в облике здравнёвского дома стремление к обобщению архитектурных форм, лаконизму и выразительности штриха, отказу от всего второстепенного. Безусловно, не обладая возможностью воплотить свои архитектурные искания в камне или построив здание с фундаменте, художник соотносясь с «удобствами и необходимостью» действуем очень избирательно, пытаюсь выявить прообразы форм, развитие которых определило стилистические особенности различных архитектурных традиций и достигает при этом высот подлинного художественного синтеза.

Главным средством художественного воздействия оказывается ритмический эффект чередования светлых и темных полос. Прием, известный с античности, получай широкое распространение в средневековой византийской, арабской, среднеазиатской, закавказской, русской, испано-мавританской архитектуре и в инкрустационном стиле романской архитектуры Тосканы в XI–XIII вв.

Контрастирующие цвета, охватывающие линии при обозрении постройки создают естественное «зрительное движение», придают форме волнообразность, заставляют вибрировать пространство.

Лаконизм геометрических форм балясин, ограждений, решеток, оконных переплетов, ставен, наличников противопоставляется сухому узорочью эклектики, выявляет стремление к уравновешенной асимметрии, оперированию объемом, а не формой.

Особенности интерьера. Проявившийся при этом отказ от театрализованности, наигранности отличает как архитектурно-художественное оформление внешнего облика, так и интерьер дома в Здравневе. Репин не пытается поразить посетителя причудливой продуманностью, «стильностью», отделки стен, росписей, мебели. В Здравнёве художник впервые смог почувствовать себя свободным не только в своей мастерской, но и в некоторой части природной среды, смог преобразовать эту среду и свое жилище, совершенно не сговывая себя «мнением света».

Известно лишь два снимка запечатлевших Репина и его близких на террасе здравнёвского дома, два снимка художника в мастерской и два портрета Н. И. Репиной работы Ю. И. Репина в интерьере, поэтому реконструкцию внутреннего облика дома можно провести главным образом по письмам художника и по воспоминаниям родственников и современников.

В письме от 26 июля 1894 г. к В. В. Веревкиной Репин так описывает свою мастерскую: «Я вижу, что о моей мастерской и камине у Вас нарисовалось что-то такое роскошное, чего здесь и во сне не снилось. Романский камин. Это самый примитивный, вроде тех, какие я видел в Нормандии в крестьянских домах. В глубине вделаны даже железные крючья для копчения ветчины. А лестница тоже – необходимое соединение с маленькой комнатой и балконами. Вообще все здесь будет самое простое, деревянное, – впрочем, камин кирпичный, штукатуренный просто, без изразцов. Даже мебель самую простую мне сделает плотник из ольхового дерева» [7, с. 206].

Завершение штукатурки стен в доме представило художнику случай испытать себя в технике росписи по штукатурке: «Знаете, чем мы тут увлеклись последнее время? Писанием по штукатурке *al fresco*. Какой это дивный способ. Жаль, что мы вздумали уже поздно, когда штукатур уже ушел и известка его так груба, что нет возможности замазать. Но некоторые вещи я уже жалею, что дождик смыл их и солнце выжгло кра-

ски (особенно темные)» [7 с. 213. Письмо И. Е. Репина В. В. Веревкиной от 29 августа 1895 г.]. Росписи на камине («Малороссия во времена Богдана Хмельницкого» и «Голова пса Пегаса») можно рассмотреть на одном из снимков, запечатлевших Репина в здравнёвской мастерской.

О росписях дома и его обстановке повествуют письма внучки И. Е. Репина Татьяны Николаевны Дьяконовой: «На камине была небольшая картинка, сделанная И. Е. – «Богдан Хмельницкий верхом на лошади перед толпой»... В столовой вся стена к спальням и двери в спальни были разрисованы Юрием Ильичем. Пейзаж во всю стену, приделаны по краям ветки и на них чучелы птиц» [11]; «Пол в доме был дощатый и на нижнем этаже крашенный цвета бордо. <...> Нижний этаж большого дома был оштукатурен белым и только в нижнем этаже были печки, но повторяю они мало грели, особенно изразцовая, которая была очень плоская. <...> Мебель в Здравнёве была только в нижнем этаже, она простая, «ходячая»: был буфет, пару кушеток, простой диван, 1 трюмо в черной раме со столиком, пианино, простые кровати и стулья, стол в столовой и стол в столовенькой. Все это во времена Ильи Ефимовича переставлялось зависимости от приехавших людей: «гостиная» была то в столовой, то в «спальне», находившейся налево, к саду... В мастерской, конечно, тоже ставилось что нужно: столик, кушетка и т. д. На верхнем этаже и в комнатах башни стены были просто бревенчатые, никакой мебели там специально не стояло; полы были дощатые, но не крашенные, и в большой комнате, и некоторых других, были широкие деревянные лавки, приделанные к стене: на них можно было спать, положив матрас или сенник» [12].

Описания подчеркивают простоту, демократизм обстановки дома в Здравнёве, дают возможность говорить о творческой свободе, раскрепощенности, которая превращала все здание в мастерскую Репина и его сына.

Заключение. В 1899 г. Репин приобретает под Петербургом новую усадьбу «Пенаты» и в последний раз навещает свое белорусское имение летом 1904 г. Здравнёво продолжало оставаться местом отдыха первой жены и детей художника. После Октябрьской революции, с июля 1918 г. в усадьбе постоянно проживала младшая дочь Репина – Татьяна

(по мужу Язева) со своей дочерью Татьяной. По просьбе крестьян, в двух комнатах репинского дома разместилась школа. В 1920-е гг. предпринимались попытки взять усадьбу под охрану отдела музеев Наркомпроса, но после того, как угроза репрессий вынудила близких художника в 1930 г. выехать в Финляндию, обветшавший здравневский дом был продан на дрова.

30 декабря 1970 г. бюро Витебского обкома КПБ и облисполком приняли решение о восстановлении «бывшей дачи И. Е. Репина» и превращении ее в филиал Витебского областного краеведческого музея. В 1989 г. восстановительные работы были завершены, но в феврале 1995 г. в музее произошел пожар и здание вновь было восстановлено в 2000 г.

Время, людское равнодушие не имело жалости к приюту репинского вдохновения в Беларуси. От подлинного здравнёвского дома сохранилась лишь дверная филенка с росписью Репина «Птица Сирий» (1892 г.). Картина, хранящаяся в настоящее время в Музее-квартире И. И. Бродского в Санкт-Петербурге, стала одним из ранних примеров натуралистической пермутации в русской живописи 1890-х гг. и донесла до нас атмосферу репинской усадьбы.

Анализируя архитектуру репинских «Пенатов», А. А. Стригалева отмечал, что «по степени радикальной формальной смелости и непредвзятости <...> Репин выступает как своего рода стихийный архитектурный авангардист – задолго до появления архитектурного авангарда в России» [13, с. 266]. И, вероятно, не будет преувеличением отнести начало пути Репина в этом направлении

в осуществлении архитектурных фантазий художника в Здравнёве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1437. – Оп. 1. – Д. 336. Межевая книга Витебского уезда сельца Койтова с деревнями.
2. Репин, И. Е. – Переписка с Л. Н. Толстым и его семьей: в 2 т. / И. Е. Репин; ред. М. К. Добрынин, К. Н. Ломунов. – М.: Искусство, 1949. – Т. 1. – 146 с.
3. Научно-библиографический архив Российской академии художеств (НБА РАХ). – Фонд 25. – Оп. 2. – Ед. хр. 803. Письмо Т. И. Репиной-Язевой В. И. Репиной от 31 марта 1928 г.
4. Попова-Яцкевич, Е. Г. Польская шляхта в России: род Яцкевичей герба «gozdawa» / Е. Г. Попова-Яцкевич // Поляки в России: XVII–XX вв.: материалы междунар. научн. конф. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003. – С. 86–94.
5. Репин, И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям. 1880–1929 / подгот. к печати и примеч. сост. О. И. Галоновой [и др.] под ред. А. И. Леонова. [Вступит. ст. Н. Машковцева]. – М.: Искусство, тип. газ. «Моск. правда», 1950. – 268 с.
6. Институт русской литературы (ИРЛИ, С.-Петербург). – Фонд 294. – Оп. 1. – Ед. хр. 145. – Л. 51–52 об. Письмо И. Е. Репина В. В. Стасову от 21 мая 1893 г.
7. Репин: [статьи и материалы: в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории искусств. – М. – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – Т. 2. – 468 с. – (Художественное наследство / ред. И. Э. Грабарь и И. С. Зильберштейн).
8. И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка: в 3 т. / ред.: А. К. Лебедев, А. И. Леонов; подг. к печати и примеч.: А. К. Лебедевым, Г. К. Буровой; худ. Е. И. Репин. – М. – Л.: Искусство, 1949. – Т. 2. – 456 с.
9. И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка: в 3 т. / ред.: А. К. Лебедев, А. И. Леонов; подг. к печати и примеч.: А. К. Лебедевым, Г. К. Буровой; худ. Е. И. Репин. – М. – Л.: Искусство, 1949. – Т. 3. – 330 с.
10. Репин, И. Е. Далекое близкое / И. Е. Репин / под ред. и со вступит. ст. К. Чуковского. [коммент. А. Ф. Коростина и Л. Чуковской]. – М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1960. – 510 с.
11. Витебский областной краеведческий музей (ВОКМ), н/в 5534/2. Письмо Т. Н. Дьяконовой Н. Д. Лахно от 16 февраля 1977 г.
12. ВОКМ, н/в 8738. Письмо Т. Н. Дьяконовой Г. В. Корунному, не дат. 1977? г.
13. Стригалева, А. Не архитекторы в архитектуре / А. Стригалева // Великая утопия. Русский и советский авангард 1915–1932. Москва; Берн: Издательство Галарт, Издательство Бентелли, 1993. – С. 265–283.

Поступила в редакцию 07.10.2013 г.